

процент башкир и татар берется в пропорции к их численности в населении Империи (примерно 1 к 3); для грузин используется тот же процент грамотных, что и для армян. Даже при ошибочности этих предположений, возникающая погрешность не превысит 1%.

⁷ В публикациях ЦСУ численность Красной армии по переписи несколько отличается. Кроме цифры 2951 тыс. (2885 тыс. мужчин и 66 тыс. женщин) при распределении результатов переписи по территории суммарные цифры даны: 2942 тыс. (2860 тыс. мужчин и 82 тыс. женщин).

Правда, авторы говорят не о численности войск, а о населении, учтенном особым порядком, то есть армии и заключенных. Тем более, несколько меньшая численность мужчин кажется странной.

Труды ЦСУ, т. 8, вып. 3. Статистический ежегодник 1922-1923 гг., вып. 1, М., 1923, стр. 8

⁸ Директивы командования фронтов Красной армии. (1917-1922), т. 4, М., 1978, стр. 130-235.

⁹ С.С. Каменев. Гражданская война. 1918-1921, т. 2, М., 1928, стр. 1.

Каменев отвечает историку Н. Мовчину, который в статье "Комплектование Красной армии в 1918-1921 гг.", опубликованной в том же томе Гражданской войны, пишет о соотношении едоков и бойцов. Цитаты в статье Каменева из работы Мовчина.

¹⁰ Сборник статистических сведений по Союзу ССР 1918-1923 гг. ЦСУ, т.18, М., 1924, стр. 92.

¹¹ Директивы. Цит. соч. стр. 180-185.

Карл Каутский

КОММУНИСТЫ ЗА РАБОТОЙ *

Экспроприация и организация

Всемирная война отбросила рабочий класс назад не только благодаря тому, что она вызвала одичание почти всех слоев населения, что она отсталые части пролетариата выдвинула на передовые посты его движения, что она, наконец, его бедствия безгранично преумножила и тем на место спокойного суждения отдала руководство отчаянию. Она способствовала упрощению его взглядов тем, что сильно развила казарменное мышление, то мышление, которое очень доступно и невежественному, на поверхности жизни обретающемуся человеку, и которое сводится к тому, будто голое насилие является решающим фактором во всемирной истории, будто достаточно обладать необходимой силой и беспощадностью, чтобы осуществить все, что угодно.

Само собой разумеется, не следует бить в набат по поводу отдельных ошибок и глупостей, совершаемых в революцию. Самым тяжким в истории является положение революции, в которой приходится считаться с совершенно новыми и до крайности неоглядными положениями. Было бы дешевеньким фарисейством, если бы наблюдатель пожелал из безопасного места или издали строго осуждать промахи людей, которые находятся в центре борьбы и несут на себе все ее тяготы и опасности.

Но зато настоятельно необходимо осуждать промахи, вытекающие не из неверного или недостаточного осведомления, а из ложного принципиального суждения, их с необходимостью обусловливающего. Они могут быть устранены только при преодо-

* Из книги: Карл Каутский, Терроризм и коммунизм, Изд-во Товарищества И.П. Ладыжников. Берлин. (Работа была закончена К. Каутским в июне 1919 г.)

лении такого суждения, и они являются угрозой каждому будущему революционному движению, если их оставляют без критического рассмотрения или даже приукрашивают и чтут — ради мнимых интересов революции.

Маркса и Энгельса в такой необходимой критике революции не останавливал их "вулканический, революционный темперамент".

Это, между прочим, показывает критика, с которой Энгельс осенью 1873 г. отнесся в лейпцигском "Volksstaat" к восстанию, разразившемуся в Испании 5 июля этого года после провозглашения республики и подавленного в значительной доле уже 26 июля, — за немногими исключениями. (Восстание в Картагене продержалось до января 1874 г.)

Таким образом, еще до того, как восстание было ликвидировано, Энгельс опубликовал уже свою очень жесткую критику "на эту исключительно позорную инсurreкцию ... современникам в назидание".

Эта критика появилась в ряде статей: "Бакунисты за работой" ("Volksstaat", 31 октября, 2 и 5 ноября), вновь отпечатана в 1894 г. в "Internationales aus dem Volksstaat" Фр. Энгельса (Берлин, издание "Vorwärts"). Мы рекомендуем эту работу всем интересующимся большевизмом. Он предвиден там во многих местах, так как положение испанской революции давало много аналогий с положением нынешних коммунистов.

Энгельс начинает с указания на то, что в Испании интернационалисты в большинстве принадлежали к бакунинскому "Аллиансу" и продолжает:

Когда в феврале 1873 г. была провозглашена республика, испанские алиансисты очутились в очень тяжелом положении. Испания в промышленном отношении является столь отсталой страной, что там о немедленном полном освобождении рабочего класса не может быть и речи. Прежде чем дело дойдет до этого, Испания должна пройти различные предварительные стадии и устранить со своего пути целый ряд препятствий. Прохождение этих предварительных стадий в наикратчайшее по возможности время, быстрое устранение этих препятствий и давала случай установить республика. Этот случай мог быть, однако, использован в форме деятельного участия рабочего класса в политической жизни.

Это означало бы участие в выборах в кортессы, в Национальное Собрание и в работе их. Бакунисты же хотели немедленно полного освобождения рабочего класса. Как средство для этого при тогдашнем положении Испании парламентская демократия была совершенно непригодной, сколь незаменимой она была для развития и созревания пролетариата. Участие "в каких бы то ни было выборах казалось им достойным смертной казни преступлением".

Что же хотели они ввести вместо избирательной борьбы? Советы рабочих депутатов, как средства "немедленного полного освобождения рабочего класса" еще не были изобретены. Бакунисты провозгласили генеральную стачку, расчленение Испании в бесконечные маленькие "кантоны" и с тем вместе — распыление общего движения в ряд местных и провозглашение "перманентной революции".

Концом песни был не только крах движения, развал всего испанского интернационала, но и "отказ бакунистов от провозглашенных ими позиций", которые они под давлением обстоятельств одну за другой должны были сдать.

Разве иначе обстоит теперь дело в России?

Несомненно, при возникновении настоящей революции среди рабочих России преобладал марксизм, а не анархизм. Как социалистическая теория, он нигде не получил такого признания, как именно там.

В продолжение десятилетий русские социалисты обращали нужду в добродетель и в отсталом земледельческом характере своей страны усматривали преимущество. Они думали, что отатки их деревенской общины особенно облегчают введение социализма.

То было большой заслугой русских марксистов, которые под руководством Плеханова и Аксельрода наперекор этому воззрению выработали и в долгой усиленной борьбе распространили убеждение, что при недоразвитости русского пролетариата и русского общества вообще неизбежная революция примет прежде всего буржуазный характер, хотя бы на долю пролетариата и выпала в ней выдающаяся роль.

Этот взгляд получил господствующее положение в русском социалистическом движении, пока революция не привела пролетариат к власти, которая поставила вопрос о немедленном ос-

вобождении в порядок дня, и пока носителями социализма была интеллигенция и высокопоставленная часть рабочего класса.

Последовательный марксизм оказался в необычайно тяжелом положении, как только революция втянула в свое движение огромные массы русского народа, которые знали лишь о своих нуждах, о своих стремлениях, и которые плевали на то, осуществимы или нет, общественно полезны или нет при данных условиях их требования.

И в этом положении марксизм большевиков не выдержал испытания. Массовая психология овладела ими, они отдались на ее волю. Несомненно, они стали, благодаря этому, господами в России. Другой вопрос — что от этого в конце концов получается и получиться должно.

Возводя народные желания на степень двигательной пружины революции, они выбрасывали за борт марксистскую систему мышления, для победного расцвета которой они раньше немало сделали. При их научной советливости и популярности имени Маркса, они думали ограничиться его словечком о "диктатуре пролетариата" — словечком, которым они завладели. С этим словом они думали обрести разрешение от всех грехов и снова — дух марксизма.

Революция зародилась во время войны. Солдаты устали вести ее. Большевики обратились в самых решительных защитников этого нерасположения продолжать борьбу. Они поощряли всеми мерами разложение армии, ни мало не заботясь о том, оказывают ли они этим содействие германской военной автократии или нет. Если победила не она, и дело поэтому дошло до германской революции, то вина в этом — не их.

Полный развал армии дал низшим классам полнейшую свободу. Крестьяне потребовали немедленной разбивки крупных имений и раздела их между собой в порядке частного владения. Что крупные имения перешли к крестьянству — было неизбежно, но при систематическом проведении, это движение могло пройти так, что техническое оборудование крупных имений не пострадало бы.

Для этого, впрочем, требовалось время, а крестьяне не хотели ждать.

Большевики расположили их в свою пользу тем, что, введя анархию в стране, они предоставили каждой общине полную сво-

боду действий, и пошел разгром имений в самых первобытных формах с уничтожением многих средств производства и техническим обнищанием. Крестьяне, в свою очередь, предоставили большевикам полную свободу действий в городах, где они расположили рабочих в свою пользу тем, что считались лишь с их желаниями, а не действительными условиями.

Пролетариат голодал, чувствовал себя угнетенным и эксплуатируемым, и настойчиво требовал немедленного свержения капиталистического ярма. И, делая ему угодное, большевики не имели времени ни для изучения, ни для размышления. Немногими тяжелыми ударами все здание русского капитализма было разбито в щепы.

Замена капиталистического производства социалистическим включает два момента: она является, с одной стороны, вопросом собственности, а с другой — вопросом организации. Она требует отмены частной собственности на орудия производства и перехода их в общественное достояние в форме государственной, коммунальной или кооперативной собственности. Но она требует также замены капиталистической организации общественной организацией производства и его функций в полном экономическом взаимосцеплении.

Из этих двух преобразований простейшим является преобразование собственности. Нет ничего легче, как экспроприировать капиталиста. Это — лишь дело силы, и не связано ни с какими социальными гипотезами. Издавна, до возникновения промышленного капитала, еще во времена одних только торгового и ростовщического капиталов, мы встречаемся с такими экспроприациями купцов, банкиров, заимодавцев — феодалами, князьями, даже народной массой. В средние века были экспроприируемы не только евреи, но, невзирая на религиозность эпохи, при случае и церковные, и орденские сокровища. Так Филипп IV экспроприировал во Франции в начале XIV века необычайно богатый орден тамплиеров. Еще до того, как возник современный социализм, наивные души видели в благородном разбойнике, грабившем богачей и наделявшем бедняков, благодетеля человечества. Этот способ насаждения "социализма" был до крайности прост. Было в соответствии с отсталостью русского пролетариата, что Бакунин в 1869 г. непосредственно перед войной и Коммуной в воззвании к русской моло-

дежи указал ей на путь, которым шел атаман Стенька Разин, собравший шайку, с которой он гулял по южной России, пока правительство не захватило и не казнило его.

Не так просто, как экспроприация, проходит организация. Капиталистическое производство есть искусственный организм, мозг которого находится в капиталисте или его заместителе. И если хотят устранить капитализм, то нужно создать организм, который в состоянии функционировать и без капиталистического мозга так же хорошо, даже лучше. Это не так просто, как действия Филиппа IV или Стеньки Разина, это требует ряда предпосылок материального и морального свойства, высокого развития капиталистической организации не только производства, но и сбыта и доставки сырья; требует также наличия пролетариата, сознающего свои обязанности не только по отношению к ближайшим товарищам, а и ко всему обществу; выработавшего в себе привычки добровольной дисциплины и самоуправления долголетним пребыванием в массовых организациях; достаточно интеллигентного, наконец, для того, чтобы отличать возможное от невозможного, научно образованного, стойкого характером вождя — от бессовестного невежественного демагога.

Там, где этих условий нет, капитализм не может надолго и с успехом быть заменен социализмом. И в тех областях и разветвлениях промышленности, где эти условия достаточно высоко развиты, социалистическая организация должна быть заботливо подготовлена внимательным исследованием фактической обстановки, ибо формы, которые временно должна принять новая организация, не даны заранее для всех стран, всех времен, всех отраслей промышленности, не суть "совершенно готовые" утопии или вечные "идеалы", но под влиянием обстоятельств могут быть очень различными и для успешного действия должны наиболее целесообразно соответствовать условиям эпохи. Оба момента, устранение и организация, должны находиться в тесной связи, дабы вместо существующего производства не наступил хаос и полная приостановка деятельности. Какой-нибудь Филипп IV или Стенька Разин могли ограничиться одной экспроприацией, ибо они не имели в виду создать новый способ производства. Переход к социализму по такому простому рецепту построить невозможно.

Но массы были нетерпеливы, они не хотели ждать. Чтобы дать

им удовлетворение, большевики, придя к власти, рассекли процесс социализации на две части, разделили оба ее момента, хотя ни один из них без другого не способен создать ничего жизнеспособного. Они сначала поступили по преподанному Стенькой Разиным образцу, а затем принялись восполнять организацию. Что было тесно связано и могло действовать лишь в неразрывном единстве, было разорвано. Сам Ленин в своей брошюре "Ближайшие задачи советской власти" в апреле 1918 г. признает:

До сих пор на первом месте находились мероприятия по непосредственной экспроприации экспроприаторов. Теперь на первый план выступает организация учета и контроля в производствах, в которых капиталисты уже экспропрированы, а также во всех остальных отраслях хозяйства.

Наша работа по организации под руководством пролетариата всеобщего учета и контроля производства и распределения отстала от нашей работы по непосредственной экспроприации экспроприаторов... С социалистическим преобразованием в этих отраслях (а области эти чрезмерно важные) мы очень сильно отстали именно потому, что учет и контроль недостаточно организованы.

Производства и отрасли промышленности подвергались экспроприации без предварительного исследования того, возможна ли их социалистическая организация. И в областях, где такая организация была бы возможной, довольствовались, прежде всего, одной экспроприацией, ибо только она и могла быть осуществлена без подготовки, а рабочие не хотели ждать.

Последствия сказались быстро. Экономическая жизнь России является отсталой в том отношении, что ее промышленность занимает по сравнению с земледелием лишь ничтожную часть населения. Но внутри этой промышленности преобладают современные формы колоссального производства. Они далеко переросли ту стадию, в которой находилась парижская промышленность 1871 г. Для этой, поскольку вообще могла быть речь о социализации, вопрос мог идти лишь о производительных кооперативах. Русские фабрики в огромной доле были с гигант-

ским производством, когда после устранения капитала ближайшей ступенью для них представлялся переход их к государству.

В производительных кооперативах доход рабочего зависит от работы его и его товарищей. Размер этого дохода определяется количеством продуктов, выносимых ими на рынок. Они сами должны заботиться о сбыте и о приобретении сырья. В перешедших к государству фабриках рабочие по-прежнему получают заработок — только не от капиталиста, а от государства. Высота их заработка зависела гораздо менее от продуктивности их работы, чем от нажима на государственную власть. Эта последняя должна была заботиться о сбыте, как и о сырье.

Нужна была бы прекрасно дисциплинированная и высоко интеллигентная рабочая масса, которая понимала бы, в какой огромной степени от продуктивности ее работы зависит общественное, а вместе с тем — и ее собственное — благополучие, чтобы при таких условиях производство велось успешно. Но и при такой рабочей массе можно было бы ожидать потребной производительности, если бы были приняты необходимые организационные меры, которые, помимо рабочих, предоставляли бы влияние на отдельное производство и всю отрасль промышленности — также государственной власти и потребителям, и если бы были введены побуждения к работе, могущие с лихвой заменить капиталистические поощрения.

Но в данном случае отсутствовала не только эта организация, но и необходимая интеллигентность и дисциплина рабочей массы — тем более, что война с ее последствиями и без того невежественнейшую и наиболее неразвитую часть рабочих довела до самого дикого возбуждения.

Правда, русский рабочий приносил из своей сельской общины высокое чувство солидарности, но объем его был так же ограничен, как и сама община. Оно распространяется только на небольшой круг его товарищей. Он относится равнодушно к великому общественному целому. На неутешительные явления, обнаружившиеся при таких условиях, большевики должны были жаловаться сами. Троцкий в своей брошюре "Работа, дисциплина и порядок спасут социалистическую советскую республику" говорит:

Революция, пробудившая в самых униженных сознание человеческой личности, естественно должна была на пер-

вых порах придать этому возбуждению крайний, если хотите, анархический характер. Это пробуждение стихийных инстинктов личности нередко принимает грубо эгоистический, или, употребляя философское выражение, "эгоцентрический характер" ... Человек стремится взять себе все, что он может; он думает только о себе и не проявляет склонности считаться с общим классовым положением. Отсюда — наводнение такого рода дезорганизующих настроений и индивидуалистических, анархических, грабительских тенденций, которые мы особенно наблюдаем в широких кругах деклассированных элементов страны, среди прежней армии, и затем между известными элементами рабочего класса.

То были совершенно иные элементы, не те, что в Парижской Коммуне уменьшали свой заработок, чтобы содействовать социализму.

Как при таких условиях складывалось производство в экспроприированных предприятиях, ясно. Зарботки взвинчивались так высоко, насколько это удавалось, а работы давалось минимальное количество. Чтобы еще сильнее закрепить такое положение, были отменены аккордные работы. И вот обнаружались такие результаты, как на Путиловском заводе, поглотившем за определенный срок 96 миллионов государственной субсидии и давшем в общем итоге на 15 миллионов фабрикатов.

Только безграничное пользование печатным станком для изготовления денег позволило несколько отдалить неизбежное банкротство такого хозяйствования.

На фабриках работали мало, и в первую голову, рабочие уклонялись от неприятной, черной, докучной работы.

Вопрос, как поставить эти работы в социалистическом обществе, поскольку они неустраимы, издавна занимал социалистов. Фурье думал решить его тем, что предоставлял возиться с грязью "неряхам", ребятам, любящим копошиться в грязи.

Это юмористическое решение было, конечно, недостаточным. Единственное, отвечающее социалистическим основам и обещающее успех, конечно, — то, которое требует от техники устранения из утомительных, отталкивающих или нездоровых работ их вредных и отвратительных сторон. И покуда это не достигнуто,

остаётся сбалансировать эти стороны или особенно высокой оплатой или особенно коротким рабочим временем.

Новое решение нашли большевики. Хотя оно и не отвечало социалистическим основам, зато было в соответствии с "массовой психикой" возбужденных рабочих масс. Они просто-напросто ввели трудовую повинность. Но трудовую повинность не для рабочих. К чему возлагать на них повинность труда, когда под влиянием новых условий закрывались фабрики одна за другой — из-за недостатка сырья, топлива или расстройств транспорта, так что непрерывно росло число безработных.

Нет, трудовая повинность была возложена на тех, которых, под предлогом, что они не работали, объявили бесправными — на "буржуев".

Вместо общей "формальной" демократии республика советов ввела пролетарскую демократию. Только рабочим предоставлены были права, только они должны были получать достаточное продовольствие и охрану от государства. Трутни должны были оставаться бесправными.

По внешности — совсем социалистическая мысль, но лишь с маленьким недостатком. Почти два года существует уже советская рабочая республика, и до сих пор не разрешена загадка на премию: что есть рабочий? От различных коммунистов мы слышим различные ответы.

Вначале советы рабочих депутатов были не чем иным, как представительством рабочих крупных фабрик. Как таковые они являлись определенными, строго ограниченными организациями, бывшими очень важными для хода революции. "Идея советов" привела затем к тому, что вышедшее из всеобщего избирательного права Учредительное Собрание должно было быть замененным съездом советов. Однако базис для этих съездов был бы слишком узок, если бы ограничились лишь советами депутатов от крупных фабрик. Но как только вышли за пределы этих последних и пожелали исключить "буржуев" из закона об избирательном праве, так тотчас же очутились в безбрежном пространстве.

Черту между буржуа и рабочими нигде нельзя провести с точностью, она влечет за собой нечто произвольное, что делает идею советов очень податливой к возведению фундамента для диктатуры произвола и очень неподатливой — к созданию ясно и

систематически выработанного государственного устройства.

Именно что касается интеллигенции, — вполне зависит от вкуса советских учреждений: относить ли ее к буржуазии или нет, то же самое — в отношении ее избирательных прав, обязанности ее к трудовой повинности.

В советской республике у "буржуев" были отняты без всякого вознаграждения их производительные и продовольственные средства, не только все их политические права, но одновременно на них — и только на них — возложили трудовую повинность! Они — единственные в России, которые должны работать и все же бесправные, ибо они не работают!

В советской России в категории рабочих и "буржуев" зачисляются не по тем функциям, какие выполняются в настоящее время, а по тем, какие исполнялись до революции. "Буржуи" в советской республике рассматриваются как особый сорт людей, отпечаток которых нельзя ничем смыть. Как негр остаётся негром, монгол монголом, где бы они ни появились и как бы ни переодевались, так "буржуй" остаётся "буржуем", хотя бы он стал нищим или живет работой. И как живет!

"Буржуи" обязаны работать, но не имеют права искать работу, которую они умеют делать, или которая им всего больше по душе. Они принуждаются делать самую грязную и самую отталкивающую работу. И за это получают не повышенные, а самые мизерные рационы, которыми они далеко не могут утолить первого голода. Их продовольственный паек составляет четверть пайка красноармейского или содержимого советской республикой на ее фабриках рабочего. Там, где те получают фунт хлеба, на их долю приходится одна четверть, где для последних 16 ф. картофеля, на их долю — 4.

Из этих постановлений не веет духом стремления поднять пролетариат на более высокую ступень, "создать более высокие формы жизни", а лишь жажда мести пролетариата в ее первобытнейших проявлениях, — та мстительность, которая видит наслаждение в возможности потешиться наконец вволю над обласканными до сих пор судьбой, лучше одетыми, лучше обставленными, лучше образованными.

При разнуздании этой воли, как двигательной силы революции, ее проявления в отдельных случаях идут, конечно, часто дальше, чем того хотели бы сами большевики. Так, например,

идея, что бывшие "буржуи" стали теперь бесправными ломовиками тех, кто раньше были их рабочими, вызвала к жизни такое постановление мурзилковского совета рабочих депутатов:

Настоящим совет уполномочивает товарища Григория Зарева реквизировать и доставить по его выбору и приказу в казармы расквартированного в Мурзиловке, брянского уезда, артиллерийского дивизиона 60 женщин и девушек класса буржуазии и спекулянтов. (Опубликовано д-ром Нат. Винч-Малеевым. "What are the Bolschewists doing". Lausanne, 1919, p. 10).

Было бы несправедливо отнести это постановление на счет большевиков. Оно, наверное, было для них столь же гнусно, как сентябрьские убийства для членов Конвента.

Но ужасна мысль, что в целой местной организации, хотя бы и единственной, ненависть и презрение к буржуазии могли принять такие размеры, что за ее представителями не только не были признаны права политические, но и простейшие человеческие, но и всякое человеческое достоинство.

Зрелость пролетариата

Естественно, что "массовой психике", принимавшей такие формы, и большевики не могли слепо потворствовать. После того, как "буржуи" были экспроприированы и объявлены вне покровительства закона, а пролетариат был возведен в святые, стали большевики вслед за тем подумывать о том, чтобы этих святых довести до зрелости, которая явилась бы предпосылкой всякой социализации и экспроприации.

Мы заранее знали, — говорит Троцкий ("Работа, дисциплина ..." и т.д.), — что нам не хватает необходимой дисциплины и исторической школы. Мы знали все это, но это ничуть не мешало нам с открытыми глазами идти к завоеванию власти. Мы были уверены, что мы всему научимся и все создадим.

Осмелится ли Троцкий взобраться на локомотив и пустить его в ход в уверенности, что он уже там, на ходу "все изучит и создаст"? Несомненно, у него оказались бы надлежащие способности, но хватило ли бы у него времени? Не сошел ли бы сразу локомотив с рельсов или не взорвался ли бы паровик? Прежде чем взять на себя ведение локомотива, надо овладеть его особенностями. Так, если пролетариат должен взять на себя руководство производством, он должен сначала овладеть особенностями, делающими его способным для такой роли. Производство не терпит перерыва, состояния пустоты, остановки и особенно в том положении, до какого довела война, поглотившая все наши запасы, так что мы вынуждены питаться, чем Бог послал, и остановкой производства будем буквально обречены на голодную смерть.

Сам Ленин считает необходимым затормозить процесс экспроприации:

Если мы захотим дальнейшую экспроприацию капитала повести в прежнем темпе, то потерпим поражение, так как наша работа по организации пролетарского учета ясно, самоочевидно для каждого мыслящего человека — остается позади работы по непосредственной экспроприации экспроприаторов. ("Ближайшая задача советской власти").

Но Ленин не унывает, а наоборот, возвещает, что, несмотря ни на что, советы "выиграют кампанию против капитала", так как процесс созревания пролетариата идет гигантскими шагами вперед. Он говорит:

Условием поднятия продуктивности труда является рост культуры и образования народных масс. Этот подъем совершается теперь с необычайной быстротой, благодаря "порыву к свету и инициативе", возникающему в глубинах народа при посредстве советской организации.

Подъем образования народных масс может быть двойного рода. Он может проходить планомерно, систематически путем

школьного обучения. В этой области в России предстоит еще колоссальная работа. Но вполне достаточная школьная сеть требует больших средств, цветущего производства, дающего значительные излишки. Русское производство дает такие жалкие результаты, что школьное дело страдает до крайней степени. Большевики, несомненно, прилагают усилия, чтобы сделать все возможное для искусства и науки и их распространения среди масс. Но эти возможности крайне ограничены экономическими оковами. Со стороны таким образом нельзя ожидать быстрого "подъема образования", облегчающего скорый и достаточный рост производительности. Наоборот, этот рост является предпосылкой подъема образования.

Однако взрослые люди учатся большей частью не в школах, устраиваемых государством или общинами, а в школах жизни. Лучшая возможность получить образование предоставляется им демократией, к существеннейшим установлениям которой принадлежит свобода прений и изложения фактов, но которая несет с собой обязательство для каждой партии и направления, борющихся за влияние над душой народа, — предоставлять каждому члену народного целого право исследовать аргументы всех заинтересованных сторон и вырабатывать таким образом самостоятельность суждений. Наконец демократия сообщает классовой борьбе высшие ее формы. Ибо при ней каждая партия обращается к народу в его совокупности. Каждая борется за определенные классовые интересы, но вынуждена выдвигать те стороны этих интересов, которые связаны с общими интересами всего народа. Так современная государственная демократия превозмогает узость приходской политики, как эта последняя — узость цеховой. Привлекая массы к участию в политике, демократия необычайно расширяет их горизонт.

И эти возможности образования народа оказываются похороненными, когда, как это делает советская республика, демократия устраняется для замены ее рабочими советами, обращающимися "буржуев" в бесправных и прекращающими свободу печати. Специальные интересы наемных рабочих таким путем изолируются от интересов общественного целого, и одновременно рабочий лишается возможности самостоятельно оценивать аргументы борющихся классов и партий. Ибо эта оценка изговаривается для него попечительным начальством, боязливо устраня-

ющим всякую мысль, всякий факт, которые могли бы поселить в груди рабочего сомнение в божественном происхождении советской власти.

Это, конечно, совершается в интересах истины. Бедный, невежественный народ должен быть огражден от лжи и отравы буржуазной печати с ее могущественным аппаратом. Но где в современной России этот могущественный аппарат, дающий буржуазной печати перевес над большевистской? Но ведь острие большевистского удушения печати направлено не исключительно на буржуазную печать, а на всякую прессу, которая не присягает на верность существующей правительственной системе.

Оправдание этой системы коренится в наивном взгляде, будто существует какая-то абсолютная истина, и только коммунисты владеют ею. Не менее того такое оправдание опирается на другой взгляд, по которому все писатели — лжецы от рождения, и только коммунисты суть фанатики правды. В действительности лжецов и фанатиков того, что признается ими за непогрешимую истину, можно найти в любом лагере. Но ложь пышнее всего процветает там, где она не боится никакого контроля, где может говорить лишь пресса одного-единственного направления. Таким путем она получает открытый лист на ложь, поднимающий дух во всех, кто лгать мастер, и тем усиленное используемый, чем отчаяннее положение властвующих, чем больше они страшатся правды.

Правдивость известий таким образом нисколько не выигрывает, а наоборот, страдает от уничтожения свободы печати.

Что же касается правдивости суждений, то приходится повторить вслед за Пилатом: "Что есть истина?" Абсолютной правды не существует, есть лишь процесс познания, ему, как и всему сокровищу человеческих знаний, наносится огромный ущерб, когда определенная партия пользуется своей властью для монополии своих воззрений, как единоспасительной правды, и для подавления всяких иных мнений.

Несомненно, идеалисты среди руководителей большевизма действуют по доброй вере, что они одни обладают истиной, и что только нечестивые могут думать иначе. Однако, ту же самую добрую веру мы должны признать и за отцами священной испанской инквизиции. "Культурный и образовательный подъем на-

родных масс” при таком режиме ничего не выиграл. Конечно, есть разница между отцами священной инквизиции и вождями советской республики. Те нисколько не домогались материального и духовного процветания масс на этой грешной земле. Они хотели только обеспечить душам спасение в ином мире. Советские же деятели думают методами инквизиции привести массы к процветанию во всех направлениях. И они совершенно не замечают, как они толкают эти массы к огрубению.

Наряду с высоким уровнем народного образования предпосылкой для социализма является высокая мораль масс, — мораль, проявляющаяся не только в могучих социальных инстинктах: чувстве солидарности, самоотречения, преданности, но и в способности эти чувства распространять за пределы узкого круга товарищей на все общество.

Такую сильно развитую мораль мы уже наблюдали среди пролетариев Парижской Коммуны. И она незнакома массе, которая ныне задает тон у большевиков.

Она должна быть создана теперь во что бы то ни стало. Так Троцкий взывает:

Эту коммунистическую мораль, товарищи, мы обязаны немедленно проповедовать, поддерживать, развивать и укреплять. Это — благороднейшая задача нашей партии на всех путях ее деятельности (“Работа, дисциплина...” и т.д.).

Да, думает ли Троцкий, что новую мораль можно создать за сутки? Лишь медленно нарастает она. А обновление производства не терпит отлагательства. И если коммунистическая мораль не возникла до начала социализации, поздно думать о ее насаждении лишь после экспроприации.

И каким путем хотят насадить ее? Ее хотят проповедовать. Как будто когда-нибудь от проповедей морали получался толк. Если марксисты возлагают свои надежды на проповедь морали, то это показывает лишь, в какой тупик они забрались.

Впрочем, новая мораль должна быть не только проповедуема, а и поддерживаема. Но как? Мораль есть продукт нашей жизни и наших стремлений, в них она находит свое питание, по их образу она складывается.

Высокая мораль, развиваемая борющимся пролетариатом, зависит от двух моментов. Как самые бедные и слабые в обществе, пролетарии могут отстоять себя лишь в самом тесном единении. Преданность и самоотречение в рядах пролетариата ценятся выше всего, в противоположность классу капиталистов, где уважение окружающих зависит от размера богатств, каким бы путем они ни были нажиты.

Однако одно могучее чувство солидарности не наполняет социалистической морали, на которой должно быть построено новое общество. Такое чувство солидарности может оказаться противообщественным, когда оно ограничено узким кругом, добывающимся своих выгод за счет остального общества, например, родовитого дворянства, бюрократии, корпуса офицеров.

Что поднимает солидарность современного пролетариата на высоту социалистической морали, это — прежде всего, распространение ее на все человечество, обусловленное сознанием, что пролетариат не может добиться своего освобождения, не освободив в то же время всего людского рода.

Уже молодой Энгельс ожидает от признания этого факта величайшего подъема пролетарской морали. В своем труде “Положение рабочего класса в Англии” (2 изд., стр. 299) он приходит к заключению:

В той мере, в какой пролетариат вбирает в себя социалистические и коммунистические элементы, в этой именно мере революция теряет в кровопролитности, мстительности и бешенстве своем. Коммунизм по принципу своему стоит над раздором между буржуазией и пролетариатом. Он признает его лишь в его историческом значении для настоящего, а не для будущего. Он стремится устранить как раз этот раздор. Он признает поэтому, пока раздор существует, ожесточение пролетариата против своих угнетателей, как необходимость, как важнейший рычаг возникающего рабочего движения, но он возвышается над этим ожесточением, ибо он есть дело человечества, а не одних рабочих. Кроме того, ни одному коммунисту не придет в голову проявлять месть над отдельными единицами, или вообще думать, что отдельный буржуа мог бы

в новой обстановке поступать иначе, чем поступает он сам. Поэтому, чем больше английские рабочие проникнутся социалистическими идеями, тем больше их теперешнее ожесточение, — которое, оставаясь таким же напряженным, как теперь, все же ни к чему не приведет, — окажется излишним, тем больше их шаги против буржуазии утратят характер дикости и свирепости. Если бы вообще можно было сделать весь пролетариат коммунистическим, пока не разразилась борьба, она протекала бы очень мирно. Но это уже невозможно, уже слишком поздно. (Энгельс ожидал в 1845 г. скорого наступления революции, которая и разразилась в 1848 г., но не в Англии, а на континенте, и не как пролетарское восстание — *Каутский*.) Я все же думаю, что до начала совершенно открытой войны бедных против богатых, ставшей в Англии неотвратимой, среди пролетариата распространятся ясные понятия о социальном вопросе, по крайней мере, в таком объеме, что коммунистической партии удастся преодолеть длительный ужас жестокой революционной стихии и предотвратить 9-е Термидора.

Девятое Термидора было днем, когда Робеспьер пал и парижское господство террора рушилось. Подобное крушение хотел предотвратить Энгельс, в этом направлении должны были действовать коммунисты, удаляя из классовой борьбы элементы свирепости и зверства против буржуазии и выдвигая на первый план всечеловеческие интересы.

Как видно, Энгельс понимал под коммунизмом нечто иное, чем теперь большевики. Чего хотел Энгельс, того добивались как раз те русские социалисты, с которыми большевики находились в непримиримом противоречии. Большевики одержали верх над своими социалистическими противниками, благодаря тому, что они дикость и свирепость "в о з н и к а ю щ е г о рабочего движения" обратили в двигательную силу своей революции. Благодаря тому, что они вульгаризировали социалистическое движение, обратив дело человечества в дело "одних только рабочих". Благодаря тому, что они возвестили всевластие наемных рабочих (наряду с беднейшим крестьянством в деревнях),

и их господство началось с объявления всех, кто не плясал под их дудку, бесправными и опрокинутыми на дно нищеты. Благодаря тому, что они уничтожение классов связали с созданием нового класса рабов из рядов прежней буржуазии. И, превратив социалистическую борьбу за освобождение и поднятие всего человечества на высшую ступень во взрыв ожесточения и мстительности против отдельных лиц, преданных истязаниям и пыткам, — большевики не подняли рабочего класса на высшую ступень, а развратили его. Они еще увеличили деморализацию тем, что экспроприацию экспроприаторов оторвали от ее теснейшей зависимости с созданием новой общественной организации, лишь в связи с которой эта экспроприация образует социалистическую стихию. Оторванная от этой связи, экспроприация со средств производства перекинулась на средства продовольствия. Отсюда — к бандитизму, идеализированному в образе Стеньки Разина, всего лишь один шаг.

Отрицательную программу большевизма массы восприняли без всяких затруднений: не нужно ни бороться, долой всякие обязанности, нужно только брать, хватать и присваивать, что можно, или, как удивительно формулировал Ленин: "Грабь награбленное" (Гавронский, "Баланс русского большевизма", Берлин, 1919, стр. 39).

В соответствии с такими воззрениями атаман Стенька Разин увековечен советской республикой в памятнике.

В таком роде "поддерживал" и проповедовал большевизм новую коммунистическую мораль, без которой невозможно социалистическое строительство. Это означало лишь растущую деморализацию дальнейших частей русского пролетариата.

Таковы были последствия, ужаснувшие идеалистов-большевиков, но они были в состоянии заметить лишь результаты, а не их причины, ибо это последнее знаменовало бы собой необходимость выбросить за борт всю их правительственную систему.

Отчаянно искали они средства привить массам коммунистическую мораль. И ничего ясного отыскать не могли они, марксисты, отважные революционеры, новаторы, как только жалкую увертку старого общества, с помощью которой оно пыта-

ется смыть с себя свои собственные грехи: трибунал, каторга, казнь. То есть террор.

Ленин пишет в цитированной уже несколько раз брошюре о ближайших задачах советской власти:

Трибунал является инструментом восстания дисциплины. Еще недостаточно уяснен простой и очевидный факт, что, если главное несчастье России — голод и безработица, то это бедствие можно победить не мечами и парением в заоблачных высотах, а всесторонней, всеохватывающей организацией и дисциплиной..., что поэтому в муках голода и безработицы повинен всякий, кто нарушает рабочую дисциплину в любом предприятии, в любом деле, — что надо уметь виновного разыскать, поставить перед трибуналом и безжалостно покарать.

Безжалостными карами русскому пролетариату должна быть вбита коммунистическая мораль, дабы он таким образом созрел для социализма. Но нигде еще "безжалостными карами" не поднималась мораль, или лишь убивался последний остаток ее. Безжалостные кары являются неизбежным злом старого порядка, ибо ему заказаны пути к созданию лучшей морали при помощи лучших жизненных условий. Социалистический режим, не видящий иного пути для пробуждения в пролетариате более высокой морали, как только безжалостный трибунал, обнаруживает тем лишь свое собственное банкротство.

Диктатура

В сущности, как кажется, и сам Ленин не ожидает особого подъема морали от своих трибуналов, ибо тотчас вслед за требованием этих трибуналов он выдвигает новое — "о наделении диктаторским и неограниченным полномочиями руководителей производств":

Всякая механическая крупная промышленность — это как раз означает источник производства и фундамент социализма — требует безусловного и строжайшего един-

ства воли... Но как может быть гарантировано строжайшее единство воли? Подчинением воли тысяч воле немногих.

Это подчинение при идеальном сознании и дисциплинированности участников общей работы напоминает мягкое руководство дирижера оркестра. Оно может получить жесткую форму диктаторства, если отсутствуют идеальная дисциплинированность и сознание.

До сих пор мы исходили из того, что сознание и дисциплинированность рабочего класса являются предпосылкой зрелости пролетариата, без которой невозможен истинный социализм. Сам Ленин в предисловии к цитированной брошюре говорит:

Подобная революция может быть успешно осуществлена лишь при самостоятельном историческом творчестве большинства населения и прежде всего, большинства трудящихся.

И после того, как он засвидетельствовал, что социализм не есть продукт меньшинства, а лишь большинства населения и только "прежде всего", а не исключительно "трудящихся" и таким образом против воли признал неотъемлемость демократии, — он продолжает:

Лишь тогда, когда пролетариат и беднейшее крестьянство найдут в себе достаточно сознательности, идейности, самоотречения, стойкости, будет обеспечена победа социалистической революции.

А пока что победа должна быть обеспечена трибуналами и руководителями производств:

Революция только что разбила старейшие, крепчайшие и тягчайшие оковы, в которые массы были загнаны кнутом. Это было вчера. Сегодня та же революция требует, именно в интересах социализма, беспрекословного подчинения масс единой воле руководителей трудового процесса.

Свобода, вчера лишь завоеванная, сегодня снова отнимается, ибо массы не нашли в себе "достаточной сознательности, идейности, самоотречения и стойкости". Но на стр. 7 из отсутствия этих особенностей выводится невозможность проведения социализма, а на стр. 52 "в интересах социализма" требуется беспрекословное подчинение незрелых масс диктатору-руководителю. Этим их положение низводится на степень, на которой они находились при капиталистическом производстве. Там они были подчинены капиталу, но все же не беспрекословно подчинены.

Но Ленин утешает себя и свою публику, конечно, тем, что эта диктатура в отличие от капиталистического руководства "осуществляется массами трудящихся и эксплуатируемых", "осуществляется также организациями, которые построены так, что ими массы пробуждаются и поднимаются к историческому творчеству. Советские организации принадлежат к организациям такого рода".

Как именно устранение и удушение всякой критики способствует пробуждению масс и поднятию их к историческому творчеству, было только что показано. Советская организация ничего не меняет в этом смысле. Но как может железная диктатура немногих при "беспрекословном подчинении масс" повести к свободной самодеятельности через организацию этих масс? Кто массами избирается, ими может быть смещен, в своем переизбрании должен с ними считаться, — всегда является зависимым от них, не может провести ничего, что не встречает их одобрения. Он может сломить упорство отдельных членов избравшей его организации, если они идут наперекор большинству, но его премудрости наступит скорый конец, как только он попытается навязать им вопреки их желанию свои законы.

Поэтому личная диктатура и демократия — несовместимы. Это относится также и к советской демократии. Ленин заявляет, конечно, что "такой способ суждения не выдерживает критики". Но крутостью своих выражений он пытается возместить слабость аргументации, ибо он не находит ничего лучшего для возражения, как только то, что

если мы — не анархисты, мы должны признать неотъемлемость государства, т.е. принуждения, в переходное время от капитализма к социализму.

Здесь, несомненно, наши точки зрения совпадают. Демократия также не исключает принуждения; но единственный вид принуждения, который она допускает, есть принуждение большинства над меньшинством. Принуждение в переходную эпоху от капитализма к социализму есть принуждение большинства трудящихся над меньшинством капиталистов. Но во второй стадии революции, о которой говорит Ленин, когда рабочие сбросили с себя цепи, речь идет не об этом. Здесь речь идет о принуждении отдельных лиц над рабочими массами. Что этот род принуждения несовместим с демократией, — Ленин не опровергает ни единым словом. Он пытается сделать его приемлемым при помощи фокус-покуса, выводя из принуждения масс над отдельными капиталистами для проведения социализма — в высокой степени совместимого с демократией — даже если оно означает самовластие отдельных лиц над массами.

Он утверждает:

Поэтому нет решительно никакой принципиальной разницы между советской (т.е. социалистической) демократией и применением диктаторской власти отдельных лиц.

Может быть, и так. Но в таком случае "советский демократизм" является своеобразным растением, к которому можно привить любой произвол, если он только прикрыт именем социализма.

Если рабочие известного производства должны беспрекословно подчиняться руководителю, то он не может быть избираем ими, а должен быть им навязан стоящей над ними инстанцией. И совет фабричных депутатов в таком случае теряет право голоса. Тогда центральный исполнительный комитет, насаждающий диктаторов, должен сам добиваться диктаторской власти, советы должны превратиться в тень, а представленные в них массы потерять всякое влияние.

С таким же успехом, с каким Мюнхгаузен вытаскивал себя за собственную косу из болота, может рабочая масса, лишенная "сознательности, идейности самоотречения и стойкости", сама избирать для себя диктатора с тем, чтобы он поднимал ее на высшую ступень развития, и безвольно склоняться перед ним,

когда он требует от нее действий, связанных с сознательностью, самоотречением и стойкостью.

И откуда явятся эти диктаторы не только с интеллектуальным, но и моральным превосходством? Всякий произвол заключает в себе зародыш развращения власти, олицетворяет ли ее отдельная личность или группа, безразлично. Только исключительные натуры в состоянии уберечься от таких разлагающих последствий. Должны ли мы думать, что именно российские диктаторы сплошь являются такими исключительными натурами?

* * *

Но советский режим отличается от прежних великих народных движений тем, что он устранил лучшее средство вывести на чистую воду "авантюристов и жуликов, хвастунов и крикунов" — свободу печати. Эти элементы таким путем освободились от критики знатоков дела. Им приходилось иметь дело только с невежественными рабочими и солдатами, а также с неопытными новаторами. И они всходили как на дрожжах.

Но вот вожди большевиков решили научиться, как отделять пшеницу от плевелов, истинных самоотверженных организаторов от мошенников и жуликов. Незадолго до того, как они этому "научились", производительность при отсталости русских рабочих дает осечку и грозит полной приостановкой. И только диктатурой руководителей надеются положить конец беде. Приходится раздавать диктатуры, даже не будучи в состоянии сделать необходимый выбор. И такая диктатура, — к которой и без того имеется неустрашимое недоверие, — может влиять лишь зловредно. Итак, сначала произвели экспроприацию, а потом только стали думать об организации; так сначала насаждают диктаторов, а потом отыскивают способы их избрания.

Этот "шиворот-навыворот" был неизбежен с того момента, когда порешили ввести социализм, опираясь лишь на желания, а не на реальные условия.

Но советскому режиму вредит не только наплыв "авантюристов и жуликов", критику которых он сделал почти невозможной. Не менее грозным является для него то, что он оттолкнул от себя наиболее стойких и одаренных представителей интеллигенции.

Без участия интеллигенции в теперешней стадии производства социализм неосуществим. Покуда социализм находился в стадии пропаганды, покуда дело шло о ясном сознании пролетариатом его места в обществе и вытекающих отсюда исторических его задачах, социализм нуждался в интеллигентах — безразлично кто они были: академически образованные буржуа или самоучки-рабочие — лишь для выработки и популяризации его теорий. Тогда дело шло не о количестве, а о качестве сил.

Совсем иное теперь, когда мы вступили в полосу практического осуществления социализма. Как капиталистическое производство и капиталистическое государство не могут существовать без помощи многочисленных, надежных, трудолюбивых и научно-образованных сил, так и общественное производство и государственная власть рабочего класса не могут обойтись без них. Без них, а в особенности, вопреки им, социализм невозможен.

Для их практического сотрудничества при введении социализма не требуется страстная преданность великому делу освобождения человечества, как при развитии и пропаганде социалистической теории. Но по меньшей мере необходимо, чтобы, по крайней мере, значительная часть интеллигенции пришла к убеждению в возможности и выгоде социалистического производства и таким образом не вынуждена была поступаться своим интеллектом при работе на пользу социализма. Если и в области мускульной работы более тонкое производство несовместимо с принудительным трудом, то еще в более сильной степени это правило относится к области умственного труда.

Отсутствие сомнений у интеллигенции в осуществимости социализма и готовность ее работать над проведением его с момента, когда ему принадлежала власть, являются предпосылками социалистического производства, условиями, до которых общество должно дорасти, если оно хочет быть зрелым для социализма.

Это условие само наступит с тем большей скоростью, чем больше остальные условия социализма будут налицо, так что действительность сама приведет колеблющихся интеллигентов к социалистическим убеждениям.

Эту важность интеллигенции большевики постигли не сразу, ибо они прежде всего слепо отделились потоку солдатской, крестьянской и рабочей массы.

Интеллигентская масса с самого начала относилась к ним враждебно, как и социалисты среди нее, так как им было ясно, что Россия не созрела для такого рода немедленной всеобщей социализации, которую предприняли большевики. Другие, ничего не думавшие по этому поводу, отшатнулись при зрелище истязаний, выпавших на долю интеллигенции. Тот был изгнан из фабрики, которой рабочие хотели руководить сами; этот оказался политически бесправным, ибо всевластные рабочие советы предоставляли избирательное право только мускульным рабочим. Иной был экспроприрован, поскольку имел кое-какое имущество, и лишен возможности вести культурный образ жизни. В конце концов даже присужден к принудительной работе и голодной смерти.

Вначале большевики думали обойтись без интеллигенции, без "специалистов". Царизм держался убеждения, что каждый генерал способен без всякой специальной подготовки занять любой пост. Советская республика, наряду со многими другими, позаимствовала у царизма и это убеждение, — с той только разницей, что на место генерала она поставила пролетария. Теоретики большевизма назвали этот процесс "развитием социализма от научного мировоззрения к практическому осуществлению". Скорее бы можно было назвать его "развитием от научного мировоззрения к диллетантизму".

Как в советской республике принято за правило — во всем руководствоваться желанием, а не изучением обстановки, — после того, как дитя уже упало в колодезь, постепенно пришли к признанию того, что было необходимо сделать: попытались закрыть колодезь, привлечь интеллигенцию к работе, помимо той принудительной, о которой уже была речь, — к работе, для которой она была пригодна, которую она знала. Интеллигенты, поступившие на правительственную службу, не почитались уже "буржуями", не подвергались гонениям, как таковые. Они поднимались в ряды "трудового" населения, производящего "продуктивную" и "полезную" работу, были гарантированы от экспроприаций и получали достаточное содержание.

И так как не убеждение, а страх перед нищетой и издевательствами погнал большинство из них на правительственную службу, то и работа их в действительности была ни очень продуктивной, ни очень полезной.

Троцкий, например, жалуется на это в уже цитированной брошюре "Работа, дисциплина..." и т.д. Он говорит:

Первый период борьбы с саботажем (интеллигенции) заключался в том, что мы организации саботажников разрушили безжалостно. Это было необходимо и потому справедливо.

Теперь, когда власть советов укреплена, борьба с саботажем должна выразиться в том, что вчерашние саботажники должны быть обращены в слуг, исполнителей, руководителей там, где этого требует новый режим.

Троцкий полагает таким образом, что "необходимый и потому справедливый" путь обращения интеллигенции в слуг и руководителей социализации прежде всего ведет к "безжалостному" давлению на них.

Что происходит при этом, рассказывает он сам:

Мы раздавили старый саботаж, и большинство прежних чиновников вымели железным веником. Заместители этих прежних чиновников показали себя в дальнейшем далеко не всегда в качестве первоклассного материала. Ни в одной области управления. С одной стороны, на освободившиеся места пошли наши партийные товарищи, лучшие элементы, борцы честнейшие, бескорыстнейшие. С другой стороны, появились карьеристы, интриганы, свихнувшиеся, оставшиеся при старом режиме не у дел. Когда сразу обнаружилась необходимость привлечения десятков тысяч новых квалифицированных рабочих, ничего не было удивительного в том, что многим мародерам удалось проникнуть в поры нового режима.

Нужно к этому добавить, что многие товарищи, работающие в различных ведомствах и учреждениях, до сих пор еще не проявляют способностей к органическому, творческому, настойчивому труду. Мы шаг за шагом наблюдаем таких товарищей, особенно из рядов октябрьских большевиков, в министерствах, где они работают четыре-пять часов и притом не особенно интенсивно и это — в такое время, когда все наше положение требует от нас напряженнейшего труда не за страх, а за совесть.

Таков был "необходимый", но посему отнюдь не "справедливый" результат политики, которая пыталась привлечь интеллигенцию не убеждением, а пинками сапога.

Вслед затем перешли к другому средству, дабы достичь выдающейся исполнительности. Парижская Коммуна 1871 г. сократила высокие оклады государственных должностей и установила, как высшее жалованье, 6 тыс. франков в год. Советская республика хотела последовать ее примеру. Но дело не пошло. И тут она вынуждена была поступить "шиворот-навыворот". Ленин замечает по этому поводу:

Мы должны были обратиться к старому буржуазному средству и согласиться на очень высокую оплату крупнейших из буржуазных специалистов за их "служебные услуги"... Ясно, что такая мера является компромиссом, отклонением от принципов Парижской Коммуны и всякой пролетарской власти... Ясно, что такая мера означает не только остановку — в известной области и в известной степени — наступления на капитал, но и шаг назад нашей социалистической советской власти ("Ближайшие задачи советской власти".)

Но Ленин думает, что ничего другого не оставалось. И он прав. Необходимость высоких окладов может быть вызвана двумя причинами. Чем больше производство, чем многочисленнее его рабочие, тем значительнее — при одинаковых вообще обстоятельствах — масса вырабатываемой им добавочной стоимости. Доставляет один рабочий 5 мар. в день такой стоимости, и производство ее 100 рабочими дает 500 мар. в день, ее 1000 рабочими — 5000 мар. Чем обширнее производство, тем труднее его организовать и вести, тем редкостнее нужны для этого силы, тем крупнее однако средства, которыми располагают владельцы предприятия для покупки такой избранной силы. И по мере роста крупных предприятий растут и оклады их руководителей и достигают порой невероятных размеров. С этим обстоятельством приходится считаться и государству.

Если оно не повышает соответственно жалованья своих высших чиновников, то должно ожидать, что частная промышленность переманит их к себе, — поскольку они чего-нибудь стоят

и не являются простыми владельцами синекур. Этим путем государственное управление беднеет духовно, и тут — одна из причин, почему государственное хозяйство так часто не в состоянии выдержать конкуренцию частного.

И еще большой вопрос, смогла ли бы Коммуна остановиться на зафиксированном ею высшем окладе 6 тыс. франков, если бы при ней развилось крупное капиталистическое, а не социализированное производство (что очень допустимо). Ее декрет от 2 апреля свидетельствует поэтому о мелко-мещанском характере тогдашней парижской промышленности. Во всяком случае, о бескорыстии членов Коммуны.

Конкуренция цветущей и мощной частной промышленности не является в советской России причиной чрезвычайных окладов выдающихся "специалистов". Ибо эта промышленность или экспроприрована, или разрушена и не дает более частным предпринимателям добавочной стоимости. Высокими окладами там преследуется одна лишь цель: побороть антипатию способнейших из интеллигентов к советской республике. Так как убеждение не действует, бичом голода не удалось достичь заметных результатов, остается одно: купить людей возобновлением для них, по меньшей мере, капиталистических условий существования.

Мы видим теперь, что за элементы подбираются в советской России на роли руководителей социалистического производства. С одной стороны — несколько старых заговорщиков, честных борцов, беспорочного образа мыслей, но все же в деловом смысле "неопытных новаторов". С другой стороны — многочисленные интеллигенты, против своих убеждений поступающие в распоряжение новой власти в качестве карьеристов, — как они поступили бы в распоряжение всякой иной власти, или гонимые страхом голода и издевательств, или, наконец, соблазненные высокими окладами. Одним словом, как признается Троцкий, "далеко не первоклассные элементы". И даже, поскольку они кое-что знают, они все же не наиболее типичные в своей области. Люди, одновременно и с выдающимися характерами, и с выдающимися знаниями среди них — что белые вороны.

Для спасения социализма в руки таких элементов передается диктаторская власть, которой рабочие должны подчиняться беспрекословно. Власть, развращающая лучших. Здесь она вверяется людям, уже и без того развращенным.

Среди всеобщего обнищания, всеобщей экспроприации в их руках скопляются основы для создания нового капитализма. Производство товаров продолжается дальше и должно продолжаться, так как крестьянское хозяйство является производителем товаров и занимает господствующее положение. При этом крестьянское хозяйство поставляет все меньше излишков. Советская республика вручает всю власть в деревне беднейшему крестьянству, не имеющему возможности добывать так много, чтобы получались излишки для рынка. Состоятельные крестьяне должны без вознаграждения отдавать в продовольственные склады свои излишки. Эта практика, если она вообще осуществима, может быть проведена лишь однажды. К следующему году состоятельный крестьянин воздержится добывать больше, чем нужно ему самому. И продуктивность сельского хозяйства падет. Те же излишки, которые все же окажутся у крестьянина, он припрятает и из-под полы сбудет спекулянту.

В то же время парализуется промышленность, — и государственные расходы при таких условиях могут покрываться лишь безграничным выпуском бумажных денег. В такой обстановке, — как во время французской революции, как теперь в Германии, хотя и не в таком размере, — вырастают спекуляции на валюте, контрабандная торговля, ростовщичество. Высшую форму капитализма, ту, что дает простор производительности труда и улучшает материальные основы масс преждевременно исковеркали, а его паразитическим низшим формам дали возможность пышно процветать.

Само собой разумеется, советский режим, подобно французскому террору, пытается положить конец этим бичам уничтожением спекулянтов, торговцев из-под полы, ростовщиков. Тогда их гильотинировали, теперь в моде расстрел. А результат — один. Единственный результат — тот же, что и в 1793 году: растет премия за риск, взимаемый жульническим капиталом, и соответственно повышается размер взяток, требуемых и получаемых новыми диктаторами с неосторожных, попадающих в их сети. И здесь накапливаются новые состояния.

Желающих ознакомиться более с этим взяточническим хозяйствованием новой российской бюрократии мы отсылаем к книге Гавронского "Баланс русского большевизма", где, начиная со стр. 58, приводятся случаи подкупа.

Как обуздать этих "диктаторов", которым рабочие выданы на беспрекословное подчинение?

Как для морального подъема масс, так и для нравственного оздоровления своих руководителей, советская власть знает одно только средство — террор трибуналов. И если диктатуру пролетариата бьет козырь его "организаторов", то карту последних бьет, в свою очередь, козырь диктатуры трибуналов.

Создается сеть революционных трибуналов и чрезвычайных комиссий по "борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и взяточничеством", и эти учреждения расправляются по произволу со всяким, на кого поступает донос; расстреливают любого, кто им оказывается не по нраву, а также всякого захваченного спекулянта и мешочника, как и их пособников среди советских чиновников. Но они не останавливаются на этом, а накладывают свою руку на каждого честного критика этого страшного распорядка. Под общим наименованием "контрреволюции" в одну кучу сваливается всякая оппозиция, из каких бы кругов и побуждений она ни исходила, какими бы средствами она ни боролась, какие бы цели она ни преследовала.

Но, к сожалению, и этот образ действий ничему не помогает. К ужасу своему честные большевики все больше проникаются убеждением, что чрезвычайные комиссии, эта последняя надежда на оздоровление революции, также нравственно развращены. Гавронский цитирует (стр. 6) следующий крик сердца "Известий чрезвычайных комиссий":

Со всех сторон несутся к нам известия, что в губернские и особенно в уездные комиссии пытаются проникнуть не только недостойные, но прямо преступные элементы.

Гавронский приводит также (стр. 62) свидетельства того, что эти элементы не только пытаются, но и проникают в комиссии. Так, например, вот что сообщает центральный орган революционного коммунизма от 10 октября 1918 г.:

В воспоминаниях всех еще живы случаи, когда местные советы были буквально терроризированы "чрезвычайками". Происходит естественный подбор: в советах оставались лучшие элементы, в то время как в "чрезвычайках" скоплялись бродяги, падкие до всякого рода бандитизма.

И от программы обновления человечества социализмом при большевистских методах в конце концов остается лишь группа честных борцов среди растущего потока невежества, развращенности и отчаяния, поднимающегося все выше и грозящего окончательно затопить их.

Превращения большевизма

Многие революционеры Запада с триумфом указывают на то, что большевизм так долго держится у власти и в то время, когда пишутся эти строки (май 1919 г.), еще чрезвычайно крепок. Критики же его предсказывали ему быстрый развал еще при начале его господства.

К этому развалу дело пришло бы уже давно, если бы большевики оставались верны своей программе. Они удержались лишь благодаря тому, что они сдавали одну за другой свои позиции и в конце концов пришли к отрицанию того, что намеревались завоевать.

Чтобы придти к власти, они выкинули за борт свои демократические принципы. И чтобы удержать за собой власть, они свои социалистические принципы отправили вслед за демократическими. Они отстаивали себя *персонально*, но принесли в жертву свои принципы, и этим проявили себя в качестве истинных оппортунистов. Большевизм победил в России, но социализм потерпел там поражение.

Стоит только присмотреться к форме общественности, развившейся под режимом большевизма, фатально развившейся с момента применения большевистских методов.

Подведем некоторые итоги.

В теперешней большевистской России мы находим крестьянство на основе неограниченной частной собственности и безусловного товарного производства. Оно ведет совершенно обособленную жизнь без всякой органической связи с городской промышленностью. И так как эта промышленность не производит никаких излишков для деревни, то и добровольная, легальная поставка сельскохозяйственных продуктов в города все больше замирает. Она заменяется частью насильственными реквизициями, грабежами без вознаграждения, с другой стороны — не-

законным мешочничеством, извлекающим из городов последние остатки накопленных прежде изделий промышленности.

Крестьянам после разрушений крупных поместий большевизм ничего не в состоянии предложить. Их привязанность к нему превращается в ненависть, — ненависть к городским рабочим, ничего не делающим, ничем не снабжающим деревни; в ненависть к властвующим, посылающим в деревню красноармейцев для реквизиции продовольствия, в презрение к городским ростовщикам и спекулянтам, пытающимся выманить у крестьян излишки обманными сделками всякого рода.

Рядом с этим чисто мелкопомещанским хозяйничаньем в деревнях в городах возникает общество, желающее стать социалистическим. Оно начало с унижения и разгрома высших классов и заканчивает в качестве нового классового общества. Оно включает в себя *три класса*.

Низший из них обнимает собой прежних "буржуев", капиталистов, мещанство, интеллигенцию, поскольку они настроены оппозиционно. Политически обесправленные, лишенные всяких средств, они время от времени посылаются на принудительные, самого отталкивающего характера работы, и за это получают продовольственные rationy, представлявшие собой мизернейший или, вернее, голодный паек. Ад этого рабства можно сравнить лишь с мерзейшими ростками, когда бы то ни было поднимавшимися на почве капитализма. Создание этого ада является первородным, насильственным актом большевизма, его первым великим шагом на пути к освобождению человечества.

Над этим классом в качестве среднего класса находятся наемные рабочие. Они политически привилегированы. Только они по букве советской конституции располагают в городах избирательным правом, свободой печати и коалиции. Они могут избирать сами род своих занятий, и за работу, которую они сами для себя устанавливают, получают достаточное вознаграждение. Вернее, так все это было, ибо с течением времени выяснилось, что при данном уровне широких масс русских наемных рабочих промышленность в таких условиях все больше замирала.

Чтобы спасти промышленность, пришлось над рабочими создать новый класс чиновничества, которое все более и более присваивало себе власть, а свободы рабочих обратило в тень. Это произошло, конечно, не без сопротивления рабочих, кото-

рое росло тем сильнее, что при всеобщем развале промышленности и транспорта и все увеличивающейся изоляции деревни от города и пропитание рабочих, несмотря на высокие заработки, стало отчаянным.

Восхищение рабочих большевиками исчезало у одной категории рабочих за другой, но их оппозиция была неорганизованной, распыленной и невежественной — лицом к лицу с замкнутой фалангой их сравнительно более образованной бюрократии. С ней они ничего не могли поделать.

Так из самодержавия рабочих советов возникает самодержавие бюрократии, частью вышедшей из этих советов, частью ими назначенной, частью им навязанной, — бюрократии, являющейся высшим из трех классов города, этим классом господ, растущим под руководством старых коммунистических идеалистов и борцов.

Самовластие "чина", старой бюрократии возрождается, но, как мы видели, нисколько ни в лучшем издании. И из него, и рядом с ним прорастают, уже прямо благодаря преступным действиям, зародыши нового капитализма, по своей сущности стоящего гораздо ниже прежнего, промышленного.

И только старый феодальный помещик не возрождается. Для его устранения Россия созрела. Но не для устранения капитализма. Последний отпраздновал свое возрождение, но в формах, еще более угнетающих и мучительных для пролетариата, чем прежние. Частный капитализм вместо высоких, индустриальных форм принимает жалчайшие, презреннейшие формы мешочничества и ростовщичества. Промышленный капитал из частного обратился в государственный капитализм. В прежние времена бюрократия правительственная и капиталистическая относились одна к другой критически, зачастую — враждебно. И рабочий то у одной, то у другой находил свое право. Теперь правительственная и капиталистическая бюрократии слиты воедино: таков заключительный аккорд великого социалистического преобразования, принесенного большевизмом. Это означает самую мучительную тиранию, когда-либо выпадавшую на долю России. Замена демократии произволом рабочих советов, долженствовавшая служить на пользу экспроприации экспроприаторов, приводит к произволу новой бюрократии и делает возможным то, что демократия становится для рабочих мертвой буквой, — в то вре-

мя как они одновременно попадают в экономическую зависимость, какой им до сих пор не приходилось выносить.

При этом потеря свобод не балансируется для них увеличением их благосостояния. Новая экономическая диктатура функционирует несколько лучше, чем предшествовавшая ей экономическая анархия, которая привела бы к самоскорейшему концу. Этот конец диктатурой отсрочен, но не устранен, так как экономически не хозяйствует и новая бюрократия.

Как до сих пор неудовлетворительно функционирует новая организация, показывает, между прочим, следующий тревожный призыв комиссара путей сообщения Красина, опубликованный недавно "Правдой". Вот его содержание:

1. Существующая система железнодорожного управления, наряду с создавшимися в течение пяти лет войны объективными осложнениями, привела транспорт к полному развалу, граничащему с окончательным его прекращением.
2. Развал вызван не только ложными организационными формами и методами управления, не только упавшей трудоспособностью персонала, но и слишком частой сменой форм и органов управления.
3. Стоящую перед нами задачу — восстановление транспорта в объеме, достаточном, по крайней мере, для потребностей голодного питания и доставки для промышленности топлива и сырья, — эту задачу мы можем разрешить лишь при героическом напряжении всех железнодорожных сил.
4. Эта работа должна быть сделана тотчас же, ни один час не должен пропасть даром, ибо иначе всем завоеваниям революции грозит опасность уничтожения.
5. На место коллегиального, в действительности безответственного управления, вводятся принципы единоличного управления и повышенной ответственности: все от стрелочника до члена коллегии, должны точно и беспрекословно исполнять все мои предписания. Реформы приостановить, и всюду, где только можно, восстановить старые

должности и старый технический аппарат в центральном управлении и на линиях.

6. Введение аккордных работ — необходимо.

Красин — один из немногих значительных, практически и научно образованных организаторских талантов советского правительства. И железнодорожники всегда составляли избранную часть русского рабочего класса. Еще во времена царизма они развили хорошую организованность и показали высокую интеллигентность. И все же — такие порядки!

Воззвание показывает ясно, что не одни последствия войны виновны в тяжелой разрухе, как это часто утверждается. Эти последствия лишь обострили разруху. То — незрелость условий, вызывающих "угрозу уничтожением всем завоеваниям революции". Для спасения революции представляется настоятельно необходимым "приостановить все реформы, восстановить старые должности и старый технический аппарат", таким образом революцию с и с т е м ы сделать как бы не происходившей, чтобы спасти м у ж е й революции.

И, конечно, этот декрет также мало преобразит людей, которые должны провести его в жизнь, как это мало удавалось другим декретам.

Подобно старому капитализму производит и этот новый "коммунизм" сам своих могильщиков. Но старый капитализм производил не только их, но и новые производительные силы, позволяющие его могильщикам насаждать на место отмирающих новые, более высокие формы жизни. Коммунизм в теперешних условиях России может только исказить продуктивные силы, которые он находит. Его могильщики не могут перейти к новым формам жизни, но должны будут начинать все заново в опять возвратившихся формах варварства.

Даже как преходящее явление, подобный режим может держаться лишь опираясь на средства насилия, на слепо повинующуюся армию. Ее создали большевики, но и в этой области для самоспасения подготовив поражение своим собственным принципам.

Они начали с того, что разрушили "готовую государственную машину" с ее военным и бюрократическим аппаратом. Свер-

шив это, они нашли себя вынужденными в интересах самосохранения заново создать такой же аппарат.

Они пришли к власти как проповедники роспуска армии через солдатские советы, избирающие и отставляющие своих офицеров и подчиняющиеся им, когда сами того пожелают. Солдатские советы наряду с рабочими советами были альфой и омегой большевистской политики. Им должна была принадлежать вся власть. "Но после пира пришло похмелье".

Как только большевики наткнулись на сопротивление, они почувствовали потребность в армии, способной к борьбе и во всех отношениях стоящей к их услугам, не в армии бегущей или состоящей из частей, где каждый батальон ведет операции по своему усмотрению.

Поначалу воодушевление могло заменить повинование. Ну, а затем что? Когда воодушевление рабочих пошло на убыль, добровольцы являлись все реже, а отдельные части перестали проявлять верноподданство?

В промышленности демократически поставленное производство требует известной материальной и умственной зрелости. В боеспособной армии уже по самому ее существу демократия исключается. Война всегда была могилой демократии. Также и гражданская война, если она бушует долго. Большевизм фатально привел к гражданской войне и так же фатально — к уничтожению солдатских советов. Большевистская диктатура низвела на степень тени рабочие советы, затруднив новые выборы и исключив из них всякую оппозицию. От солдатских советов эта диктатура отобрала все важнейшие функции, а также выбор офицеров. Как и до того, они назначаются правительством. И так как добровольцев мало, то снова, как и до большевизма, вводится насильственный рекрутский набор. Это ведет к новым конфликтам между населением и правительством. Многочисленные крестьянские восстания, возникающие на этой почве, требуют опять-таки увеличения армии. Массовое дезертирство влечет за собой массовый расстрел.

"Humanite" в № от 29 мая 1919 г. приводит в очень дружественном для большевизма тоне сообщение, опирающееся на наблюдения очевидца из России и заканчивающееся следующим образом:

Красная армия есть произведение Антанты. Большевистский режим повторно провозглашал свой антимилитаризм. Миролюбивый русский народ питает к войне сегодня такое же отвращение, как вчера и как всегда. Он жестоко противодействует набору. В Красной армии наблюдается такое же дезертирство, как прежде в царских войсках. Нередко полк не приходит на назначенный ему пункт, так как по дороге люди разбегаются.

Своеобразная у Красной армии манера выражать свое воодушевление большевизмом!

Если строго держаться фактов, без всякой их аналогии, то получится вывод, что и в области милитаризма возвращаются старые царистские условия, лишь еще ухудшенные, ибо новый режим развивает бесспорно большую энергию, чем старый, — несмотря на провозглашение антимилитаристических принципов. Тут повторяется обстановка, подготовившая во Французскую революцию превращение республики в империю Наполеона.

Однако Ленину не предназначено закончить русским Наполеоном. Корсиканец-Бонапарт завоевал сердца Франции тем, что ее знамена пронес победоносно по всей Европе. Это давало удовлетворение одним, думавшим, что именно принципы революции завоевывают Европу; другим, находившим еще большее удовлетворение в том, что французские армии грабят всю Европу и обогащают Францию.

Россия сильна только в обороне. Те самые трудности сообщения, которые останавливают вторгающуюся в нее армию, мешают ей свою собственную армию двинуть победоносно за пределы страны. И Ленин очень хотел бы пронести через Европу победоносно знамена своей революции, но видов на это у него нет. Революционный милитаризм большевиков не обогатит России, он может стать лишь новым источником ее унижения. Ныне русская промышленность, поскольку она снова приведена в движение, работает преимущественно на нужды армий, а не для продуктивных целей. Русский коммунизм стал воистину социализмом казармы.

Экономический, а потому и моральный крах большевистских методов неизбежен. Он мог бы быть затушеванным, если бы развился в военном крушении.

Никакая всемирная революция, никакая помощь извне не могут устранить паралич большевистских методов. Задача европейского социализма по отношению к "коммунизму" совершенно иная: заботиться о том, чтобы моральная катастрофа одного, определенного метода социализма не стала катастрофой социализма вообще; чтобы была проведена резкая различительная граница между этим и марксистским методом, и чтобы массовое сознание восприняло это различие. Та радикальная социалистическая пресса понимает очень плохо интересы социальной революции, которая полагает, что служит им, внушая массам мысль об идентичности большевизма и социализма и поддерживая в них веру, что теперешняя форма советской республики — только потому, что она совершает плавание под флагом всевластия рабочих и социализма — действительно осуществляет социализм.

Террор

Изображенное здесь развитие возникло, конечно, не по желанию большевиков. Наоборот, оно явилось совершенно иным, чем то, чего они хотели, и они пытались всеми мерами бороться против него. Но меры эти в конце концов сводились к тому же рецепту, по которому большевистский режим действует с самого начала, — к насилию, к произволу нескольких диктаторов, по отношению к коим даже самая скромная критика невозможна. Террор, режим ужаса стал неизбежным последствием коммунистических методов. Это — отчаянная попытка устранить их результаты.

Среди явлений, обнаруженных большевизмом, террор, начатый с уничтожения всякой свободы печатного слова и восславленный системой массовых расстрелов, — самое поразительное и отталкивающее, то явление, которое вызывает к большевикам наибольшую ненависть. И все же явление это — лишь их трагичный рок, не вина их, — поскольку вообще при таком гигантском массовом движении может идти речь о виновности, которая, в сущности говоря, всегда может быть только личной.

Кто желает обсуждать вопросы вины, тот должен исследовать нарушение моральных заповедей отдельными лицами, — ибо и воля, беря вопрос глубоко, всегда может исхо-

дять лишь от отдельных лиц. Масса, класс, нация в действительности не могут иметь воли, для этого у них нет соответствующего органа, поэтому они не могут и грешить. Масса или организация могут собственно действовать, но все же мотивы каждого из участников действия остаются весьма различными. А мотивы, между тем, играют решающую роль в определении вины.

Мотивы большевиков были, наверное, наилучшими. В начале своего владычества они проявили себя исполненными идеалов гуманности, порожденных классовым положением пролетариата. Их первый декрет отменял смертную казнь. И все же, если говорить о вине с их стороны, то она возникает как раз в период этого декрета, когда они решили ради власти поступиться принципами демократии и исторического материализма, которые они десятилетиями непреклонно защищали. Их вина падает на тот период, когда они, подобно бакунистам Испании в 1873 г., провозгласили "немедленное полное освобождение рабочего класса", — не взирая на отсталость России, и для этой цели, — так как демократия "оказалась бессильной", — ввели собственную диктатуру под фирмой диктатуры пролетариата.

Здесь нужно искать корень их вины. Как только они вступили на эту стезю, они уже не могли не практиковать террора. Мысль о мирной действительной диктатуре есть не более, как иллюзия.

Созданиями террора стали революционные трибуналы и чрезвычайные комиссии, о которых мы уже говорили. Как одни, так и другие хозяйничали страшно, не говоря уже о карательных экспедициях, число жертв которых невозможно установить. И количество павших от руки "чрезвычайки" также вряд ли когда-нибудь будет выяснено. Во всяком случае, оно достигает тысяч. Минимальная статистика определяет их в 6000. Некоторые указывают двухкратное, даже трехкратное этого числа. К тому же бесконечный ряд брошенных по произволу в темницы, замученных насмерть и приконченных пытками.

Защитники большевизма ссылаются на то, что их противники, белая гвардия Финляндии, балтийские бароны, царские генералы и адмиралы поступают не лучше. Но разве воровство может быть оправдано тем, что и другие воруют?

Но другие не унимают своих принципов, когда они по соб-

ственному произволу жертвуют человеческою жизнью для удержания за собой власти. Большевики же могут это делать, лишь изменяя принципам святости человеческой жизни, которые они сами возвестили, которые их самих подняли и оправдывали. Разве мы не боремся со всеми этими баронами и генералами как раз потому, что для них человеческой жизни — грош цена, что она для них — лишь средство для их властных целей?

Следует, конечно, возражение, что в целом-то и есть разница. Высшая цель освящает средства, которые в руках властителей становятся злодейскими, ибо их цели — злодейские. Но ведь цель освящает не всякое средство, а лишь такое, какое находится в полном созвучии с ней. Недостойное цели средство не может быть освящено этой целью. Как нельзя отстаивать жизнь принесением в жертву всего, что составляет ее содержание и смысл, так нельзя защищать свои принципы нарушением их.

Доброе намерение может служить извинением для тех, кто применяет неправильные средства, но сами эти средства остаются все же недостойными. И тем более недостойными, чем огромнее вред, ими причиняемый.

Но и сами-то цели большевистского террора далеко не безупречны. Их ближайшая задача — удержать созданный ими милитаристски-бюрократический аппарат. Во что бы то ни стало это должно быть осуществлено истреблением коррупции внутри самого аппарата.

В "Правде" от 1 апреля этого года профессор Дукельский требовал очищения большевизма и правительственных учреждений от всех попутчиков, бандитов и авантюристов, примазавшихся к коммунизму для эксплуатации его ради собственных преступных целей. На это Ленин возразил:

Автор письма требует, чтобы мы очистили нашу партию от авантюристов и бандитов — совершенно справедливое требование, которое мы уже давно выставили и проводим. Бандитов и авантюристов мы расстреливаем и будем и впредь расстреливать. Но чтобы эта чистка пошла быстрее и основательнее, нам нужна помощь искренней и беспартийной интеллигенции.

Расстрел — он стал альфой и омегой коммунистической правительственной мудрости. Но разве Ленин не призывает интелли-

генцию на помощь в борьбе с бандитами и авантюристами? Да, но он лишает ее единственного действительного оружия — свободы печати. Контроль свободной печати сам по себе способен держать на узде бандитов и авантюристов, которые непременно втискиваются во всякий самовластный, бесконтрольный правительственный аппарат, которые уничтожением свободы печати воспитываются и взращиваются.

А русская печать находится теперь исключительно в руках правительственных учреждений, в которых расположились авантюристы и бандиты. И какими гарантиями располагает Ленин, что бандиты и авантюристы не проникли также в революционные трибуналы и "чрезвычайки", с помощью которых они поставят к стенке "искреннюю и беспартийную интеллигенцию", способную вывести их на чистую воду?

И как раз чрезвычайные комиссии по борьбе со взяточничеством обладают самой неограниченной властью, совершенно свободны от всякого контроля и таким образом действуют в условиях, порождающих то, для борьбы с чем они созданы. Революционный трибунал 1793 года также обладал уже неслыханной властью произвола. Правовые гарантии обвиняемых были ничтожны. Но все-таки он судил публично, и некоторый контроль его действий был возможен. Чрезвычайки советской республики судят тайно, без соблюдения каких бы то ни было правовых гарантий обвиняемых. Не считается безусловно необходимым выслушать их, не говоря уже об их свидетелях. Достаточно доноса, простого подозрения, — и расправа готова.

Эта мерзость приняла такие размеры, что пришлось распорядиться об ее уничтожении. Было постановлено, что "чрезвычайки" не должны постановлять приговоры о расстреле без следствия и суда. Но произвол так спаян с диктатурой, что его нельзя устранить, когда диктатура остается. Указанное постановление сводит само себя на нет в ту минуту, когда оно допускает исключение при "открыто контрреволюционных заговорах". Этим, понятно, открываются широкие возможности для любого произвольного расстрела. И если это постановление будет точно исполняться, то оно будет охранять лишь разбойников и бандитов, а не "искреннюю и беспартийную интеллигенцию", при сотрудничестве которой должны быть очищены правительственные учреждения. Ибо, что же такое эта самая чистка, как не "контрреволюция"?

Самые смиренные выражения недовольства вызывают такие же угрозы, как и бандитизм. И эти угрозы не ограничиваются уже никакими постановлениями, ибо они касаются области, где честные коммунисты и бандиты одинаково заинтересованы. Против критики советского режима они выступают единодушно и тут уже нет речи о снисхождении.

Так, совсем недавно всероссийская комиссия по борьбе с контрреволюцией объявила:

Ряд волнений, разразившихся в последнее время, свидетельствуют о том, что лавры Краснова не дают покоя левым социалистам-революционерам и левым меньшевикам.

Вся их деятельность направлена исключительно на развал нашей армии (Брянск, Самара, Смоленск), на разрушение нашей промышленности (Петроград, Тула), нашего транспорта и железнодорожного дела (железнодорожные стачки).

Всероссийская чрезвычайная комиссия настоящим доводит до сведения, что она не будет делать никакого различия между белогвардейцами из рядов красновских войск и белогвардейцами из партии меньшевиков и социалистов-революционеров левого крыла.

Карающая рука чрезвычайной комиссии с одинаковой беспощадностью опустится на головы как одних, так и других.

Арестованные левые социалисты-революционеры и меньшевики будут служить заложниками, и судьба их будет зависеть от поведения обеих партий.

Председатель Всероссийской чрезвычайной комиссии —
Р. Дзержинский

(Взято из "Известий" всероссийского центрального исполнительного комитета, № 59 от 1 марта 1919 г.)

Итак, потому, что в армии обнаружались признаки разложения, среди фабрично-заводских рабочих и железнодорожников растет недовольство, — руководящие элементы меньшевист-

ского социализма взяты под арест, чтобы при малейших признаках дальнейшей пролетарской оппозиции быть расстрелянными.

Держание на привязи недовольного пролетариата — такова та возвышенная цель, которая теперь в России должна освящать нечестивые средства массовых убийств. Но экономического развала эти средства не превратят в экономическое процветание.

Л. Штернберг

ИНОРОДЦЫ *

Термин *и н о р о д е ц* понимается на языке правительства и националистической прессы в двойном смысле — политическом и технико-юридическом. В политическом и главнейшем значении этого слова основным признаком инородчества является *я з ы к*. *Только население, говорящее на великорусском наречии, имеет привилегию на звание русского народа. Ни раса, ни даже религия, ни политическая лояльность не играют существенной роли.* Поляки, будучи славянской крови, говоря на славянском диалекте, все же считаются инородцами. Грузины, хотя и православные, все же остаются инородцами. Даже украинцы, родные братья по крови с великороссами, такие же православные, как последние, но имеющие дерзость говорить на собственном малорусском наречии, хотя и столь близком великорусскому, не перестают во многих отношениях считаться на положении инородцев. Остзейские немцы, славящиеся своей лояльностью, остаются такими же инородцами, как "бунтовщики" поляки. Но русские сектанты, даже самые яростные враги православия, даже самые подозрительные в глазах правительства по своим социальным учениям, но сохранившие великорусский говор, остаются неизменно в списках настоящего русского народа. И всем хорошо известно, что за этой классификацией кроется

Примечание. В основу этого очерка легли, помимо литературного материала, сведения, добытые путем бесед и переписки с представителями различных народностей, затрагиваемых в этой статье. Всем этим лицам автор приносит свою искреннюю признательность.

* Статья из сборника "Формы национального движения в современных государствах. Австро-Венгрия, Россия, Германия". Редактор А.Н. Костелянский, С.-Петербург, издание товарищества "Общественная польза", 1910, стр. 531-574. (Статья публикуется с сокращениями.)